

ства в думской Комиссии по делам православной Церкви поручалось заявить, что, «по рассуждению Синода», эту затею «некоторых членов Государственной думы» «надлежит отвергнуть» «как незаконное, противоканоническое вмешательство в дело внутреннего управления православной Церкви, не подлежащее по силе ст. 109 Основных законов и ст. 31 Учр[еждения] Гос[ударственной] думы, ведению законодательных учреждений»²³. Жёсткость выражений лишней раз свидетельствовала о том, что В.К. Саблер твёрдо отстаивал монополию на законодательную инициативу в церковных делах и желал устранить любую альтернативу синодальному проекту Положения о православном приходе, который он собирался представить в Совет министров весной 1912 г.²⁴ Несмотря на заявление Синода, Комиссия по делам православной Церкви 26 января поддержала законопроект 51-го²⁵, но на дальнейшую его судьбу это уже повлиять не могло. В 1910–1911 гг. духовное ведомство чувствовало себя хозяином положения и отвергало любые попытки думцев включиться в подготовку приходской реформы.

²³ Там же, ф. 796, оп. 445, д. 202, л. 509.

²⁴ Беглов А.Л. Духовное ведомство и приходские институты: проект положения о православном приходе в редакции В.К. Саблера 1912 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. Вып. 7(23) (URL: <http://history.jes.su/s207987840000560-5-1> (Дата обращения: 29.03.2015)).

²⁵ РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 2434, л. 102.

Материальное положение православной Церкви в Советской России (1917–1920 гг.)

Анатолий Кашеваров

The financial situation of the Orthodox Church in Soviet Russia, 1917–1920
*Anatoliy Kashevarov (Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University and
Saint Petersburg State University, Russia)*

1917–1920 гг. — чрезвычайно важный и относительно целостный период как в истории Русской Церкви, так и в религиозной политике советского государства¹. Это было время деятельности Поместного собора и первых попыток наладить церковную жизнь на основе его определений и постановлений. Органам Высшего церковного управления (ВЦУ), избранным Собором, приходилось формировать и отстаивать официальную позицию Церкви в условиях Гражданской войны и установления большевистской диктатуры. Советская власть определяла тогда цели и методы своей религиозной политики, важнейшей частью которой стали открытые гонения и массовый террор против духовенства и верующих, а также лишение Церкви доходов и средств существования. Действуя в духе марксистского учения, вожди правящей партии полагали, что под-

© 2016 г. А.Н. Кашеваров

¹ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010. С. 4.

рыв экономической основы (материального базиса) Церкви резко ускорит её распад и приведёт к краху религиозной «надстройки»². В соответствии с этими представлениями был составлен ленинский декрет, принятый 23 января 1918 г. и отнявший у Церкви не только всю недвижимую собственность и банковские вклады, но и право приобретать имущество³.

Между тем воздействие первых мероприятий религиозной политики советской власти на финансово-экономическое состояние православной Церкви до сих пор остаётся почти неизученным. Собственно исследование материального положения высших органов церковного управления в годы революции и Гражданской войны началось только в 1990-х гг.⁴ Причём полностью воссоздать целостную и широкую картину церковных доходов и расходов 1917–1920 гг. крайне сложно, если вообще возможно, из-за отсутствия необходимых источников. В обстановке революционного хаоса с осени 1918 г. по осень 1920 г. число служащих в канцеляриях Синода и Высшего церковного совета (ВЦС), обслуживавших ВЦУ, уменьшилось более чем втрое. Зачастую им просто нечем было платить. Соответственно значительно сократилось и делопроизводство. «В 1916 г. канцелярия Синода исчисляла свою переписку в 30 000 входящих номеров и в 15 000 протоколов и журналов. Ныне, – констатировало ВЦУ в декабре 1918 г., – канцелярия считает свои бумаги в сотнях и десятках»⁵. При этом далеко не все из них дошли до нашего времени, а сохранившиеся нередко имеют лакуны. К тому же в различные периоды Гражданской войны, прерывавшей контакты церковного центра с целыми регионами, органы ВЦУ (Священный Синод и ВЦС) поддерживали связь лишь с 17–29 епархиями из существовавших тогда 67. Тем не менее документы, хранящиеся в РГИА в фонде канцелярии патриарха Тихона и Священного Синода (ф. 831), прежде всего журналы заседаний, постановления и циркулярные указы ВЦУ, существенно расширяют известные в историографии сведения.

Финансово-экономическое удушение Церкви началось уже в конце декабря 1917 г., когда с ведома советского правительства Петроградским советом была создана комиссия для изъятия синодского имущества. Возглавил её «уполномоченный по ликвидации бывшего Синода» комиссар по делам беженцев А.М. Дижбит. В конце января 1918 г. в специальной записке наркому внутренних дел Г.И. Петровскому он сообщил о том, что «ликвидацию Синода» почти закончил, принял ценных бумаг и счетов на сумму 46 млн 15 тыс. 312 руб.⁶

В дальнейшем деятельность Синода и ВЦС осуществлялась в условиях острой нехватки самого необходимого. Согласно справке члена ВЦС протоиерея А.М. Станиславского, составленной 5 февраля 1920 г. для юридическо-

² Красиков П.А. Советская политика в религиозном вопросе // Революция и церковь. 1919. № 1. С. 1.

³ См.: Пospelовский Д. Подвиг веры в атеистическом государстве // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. М., 1991. С. 68–69; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263; Подробнее см.: Персиц М.М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР. М., 1958. С. 98–109; Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 29–30; Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 75.

⁴ См.: Кашеваров А.Н. Церковь и власть: Русская Православная Церковь в первые годы Советской власти. СПб., 1999. С. 29–105; он же. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М., 2005. С. 254–259, 266–283.

⁵ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 21, л. 117 об.

⁶ Там же, д. 28, л. 1.

го отдела Московского совета рабочих и красноармейских депутатов, требовавшего представить точную опись принадлежавшего ВЦУ имущества, уже к концу 1918 г. оно лишилось недвижимости и почти всех денежных сумм и вещей. Так, здание бывшей Московской духовной семинарии со всем, что в нём находилось, реквизировали для 3-го дома советов летом 1918 г. Епархиальный дом (Лихов переулок, 6) был конфискован хозяйственным отделом Моссовета по мандату, выданному 24 декабря 1918 г., и передан в полное распоряжение Московского народного политехникума. ВЦУ оставили там «для своих нужд маленькую комнату для заседаний и 5 комнат для канцелярии»⁷. Однако именно ему приходилось оплачивать все расходы на содержание здания (отопление, освещение, водоснабжение и канализация, городской налог и мелкий ремонт). 26 февраля 1918 г. соединённое присутствие Синода и ВЦС заслушало доклад члена ВЦС протоиерея А.В. Санковского «О мерах к уменьшению расходов на содержание епархиального дома за счёт средств Высшего церковного управления» и постановило «привлечь к участию в этих расходах все учреждения и лиц, пользующихся этим домом», «поручить чиновнику особых поручений при ВЦУ А.И. Оранскому войти в сношение... с администрацией народного политехникума о принятии на себя части расходов по отоплению, освещению, канализации и содержанию прислуги со дня помещения политехникума в доме № 6», а также «установить с 1 января 1919 г. с жильцов дома плату за отопление и освещение помещений». Между тем сам докладчик полагал, что «единственным и целесообразным выходом из-под такого бремени является оставление епархиального дома и переход в какое-либо другое помещение»⁸.

Заседания Синода и «соединённые присутствия» органов ВЦУ под председательством патриарха проходили в основном в патриаршей резиденции на Троицком подворье⁹. ВЦС заседал в епархиальном доме, где размещалась канцелярия ВЦУ. В декабре 1918 г. штат канцелярских служащих, находившихся в распоряжении патриарха, был сокращён до личного секретаря и его помощника¹⁰. Примечательно, что соединённое присутствие Синода и ВЦС 17 декабря 1919 г. рассматривало в числе прочих вопрос о выделении 500 руб. члену ВЦС А.Г. Куляшеву за приобретённую им ленту для пишущей машинки в канцелярии ВЦУ¹¹.

28 ноября 1919 г. Синод и ВЦС на совместном заседании решили «на будущее время не производить дальнейшего увеличения оклада содержания для членов и штатных служащих Высшего церковного управления ввиду ограниченности средств у ВЦУ»¹². 13 февраля 1920 г. по докладу Куляшева ВЦУ постановило: «В связи с быстрым ростом цен на хлеб и предметы первой необходимости повышать параллельно с ценами ставки жалованья невозможно. Остаётся один исход – просить епархиальные советы плодородных губерний придти на помощь и организовать посылку сухарей и печёного хлеба»¹³. «В патриархии у нас холодно и голодно, – писал в декабре 1919 г. патриарх Тихон профессору Петроградской духовной академии И.С. Пальмову. – Некогда

⁷ В июле 1919 г. одна из этих комнат (в ней находилась канцелярия Синода) была передана местной властью Учёной коллегии Российского исторического музея (Там же, д. 24, л. 62).

⁸ Там же, д. 22, л. 55.

⁹ Там же, д. 183, л. 4, 6.

¹⁰ Там же, д. 21, л. 135.

¹¹ Там же, д. 25, л. 115.

¹² Там же, д. 26, л. 44.

¹³ Там же, л. 31.

жизни пахать, а холода-заботы и деревянный дом»¹⁴. Всё это разительно не соответствовало расхожим штампам официальной советской пропаганды 1920-х гг., утверждавшей, что «у кормила духовной власти стоят сытые и праздные князья церкви, ради своих земных богатств и выгод нещадно эксплуатирующие религиозные чувства трудящихся масс»¹⁵.

На каждом заседании ВЦУ рассматривалось от 8 до 15 дел (почти исключительно внутрицерковного характера), и более половины из них касались бедственного состояния духовных академий и семинарий, священнослужителей и даже целых епархий. 5 ноября 1918 г. управлявший Московской епархией архиепископ Коломенский и Можайский Иоасаф (Каллистов) официально сообщал патриарху: «Бывшее в прошлом сентябре месяце епархиальное собрание обязалось на средства епархии содержать епархиальный совет, уплачивать в течение полугода полное содержание преподавателям и служащим ликвидированных духовно-учебных заведений, открыть и содержать пастырско-богословские курсы, выдать попечительству о бедных духовного звания 80 000 руб. на содержание призреваемых в приютах до ликвидации попечительства, выплачивать пенсии бывшим служащим духовно-учебных заведений, жалование миссионерам и пенсии их семьям, содержание архиерея[м] и служащим при них... На удовлетворение этих нужд средств никаких не имеется. Между тем множество лиц, которых епархия обязалась содержать, обращаются с настойчивыми ходатайствами об уплате им денег»¹⁶. Владыка просил «о выдаче из сумм, имеющихся в распоряжении Высшего церковного управления, ссуды в размере 75 000 руб.». Однако 8 ноября 1918 г. Синод и ВЦС вынуждены были «в испрашиваемом заимообразном отпуске из средств ВЦУ на содержание Московского епархиального управления отказать за отсутствием средств»¹⁷.

Немногом лучше было положение и в других епархиях, оказавшихся в пределах РСФСР. 9 мая 1919 г. Владимирское епархиальное управление извещало ВЦУ, что поступающие взносы «недостаточны для покрытия епархиальных нужд, а епархиальный свечной завод национализирован»¹⁸. 1 августа 1919 г. Синод и ВЦС в «соединённом их присутствии под председательством патриарха слушали представленную канцелярией ВЦС докладную записку о состоянии епархиально-церковной жизни, составленную по данным протоколов чрезвычайных епархиальных собраний клириков и мирян 1918 г.». Протоколы эти поступили только из 17 епархий, но они позволяли авторам докладной записки выявить проблемы, «имеющие для всей Российской Церкви значение»: «Епархиальная казна; мероприятия по обеспечению духовенства средствами содержания; способы оказания помощи бедным лицам духовного звания»¹⁹.

Несмотря на крайнюю стеснённость в средствах, ВЦУ старалось выделять «от патриарших щедрот единовременные денежные пособия» обращающимся за помощью священнослужителям и членам их семей, а также профессорам и преподавателям духовных школ, упразднённых советской властью. Так, 17 октября 1919 г. ВЦУ решило хоть как-то поддержать бывшего профессора Московской духовной академии А.Д. Беляева, имевшего «выслугу 35 лет и лишён-

¹⁴ ОР РНБ, ф. 558, д. 216, л. 2.

¹⁵ Революция и церковь. 1919. № 1. С. 1–2.

¹⁶ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 21, л. 65–65 об.

¹⁷ Там же, л. 66.

¹⁸ Там же, д. 22, л. 176.

¹⁹ Там же, д. 24, л. 19.

ного ныне пенсии», единовременно выдав ему тысячу рублей²⁰. На подобного рода пособия в 1919 г. патриарху предоставлялось 50 тыс. руб. «из состоящих в распоряжении Высшего церковного управления свечных сумм»²¹. При этом 14 марта 1919 г. Синод и ВЦС констатировали, что «в распоряжении Высшего церковного управления средств для назначения постоянных пособий бывшим служащим в духовно-учебных заведениях не имеется»²². Однако и сравнительно небольшие суммы (от 250 до 1 тыс. руб. на одного просителя), даже разовые, служили подспорьем для остро нуждавшихся. Следует учесть, что в Москве и других крупных городах Центральной России в 1919 г. фунт хлеба стоил 80–85 руб., сливочного масла – 650 руб., постного масла – 600 руб., манной крупы – 200 руб., картофеля – 25 руб.²³

Поскольку советское государство прекратило всякие выплаты на церковные нужды, священнослужители пытались узнать в ВЦУ, «в какой форме предполагается вспоможение духовенству (пособие или пенсия)», а также просили «сообщить о назначении сбора в пенсионный капитал»²⁴. Для обсуждения данной проблемы 1 ноября 1918 г. при ВЦУ была образована подкомиссия под председательством члена ВЦС протоиерея А.В. Санковского. «Этой подкомиссией, – как отмечало ВЦУ весной 1920 г., – вопрос не был разрешён». 3 апреля 1920 г. Синод и ВЦС поручили финансово-хозяйственному отделу ВЦС под председательством митрополита Тифлисского Кирилла (Смирнова) «выработать проект положения о вспомоществовании духовенству в виде пенсии или пособия, при чём одним из источников этого вспомоществования предполагается пенсионный вычет из священноцерковнослужителей»²⁵. Дело осложнялось тем, что ещё 28 марта 1919 г. ВЦУ обязало канцелярию ВЦС «войти в официальные и личные сношения с Комиссариатом социального обеспечения на предмет получения от него письменного сообщения о порядке назначения пенсий по духовному ведомству»²⁶. Однако к апрелю 1920 г. от Народного комиссариата труда и социального обеспечения так и не удалось получить справку о порядке, условиях и размерах пенсии всех служивших в бывшем «ведомстве православного исповедания» («священноцерковнослужителей за епархиальную службу, учащих в церковно-приходских школах и духовно-учебных заведениях ведомства и бывших гражданских чинов центральных и местных учреждений ведомства») ²⁷.

²⁰ Там же, д. 25, л. 5.

²¹ Там же, д. 22, л. 41.

²² Там же, л. 69.

²³ Там же, д. 25, л. 1.

²⁴ Там же, д. 26, л. 63.

²⁵ Там же, л. 63 об.

²⁶ Там же, д. 22, л. 139.

²⁷ Там же. Заведующий пенсионным отделом Наркомата труда и социального обеспечения Красильников дал следующее «устное разъяснение» делопроизводителю пенсионного стола канцелярии ВЦУ: «Обеспечение трудовых элементов населения производится согласно положению от 31 октября 1918 г. о социальном обеспечении трудящихся. Служители только культа и их семьи, во избежании нищенства, могут получать некоторое пособие наравне с нетрудовыми элементами населения, в том или ином виде (пособия, богадельни, приюты), по усмотрению местных отделов социального обеспечения; служители же культа, выслужившие пенсию до 23 января 1918 г., одновременно работавшие по просвещению, могут получать пенсии наравне с трудящимися из средств, имеющихся в распоряжении Комиссариата социального обеспечения, а также из средств бывших в некоторых епархиях эмеритальных касс. Обследование материального положения нуждающихся в социальной помощи и удовлетворение просьб нуждающихся производится местными отделами Комиссариата народного образования» (Там же).

В большинстве случаев вместо назначения пенсий ВЦУ приходилось ограничиваться единовременными пособиями либо вообще отклонять просьбы «за неимением средств», рекомендуя просителям «обратиться в местный отдел социального обеспечения»²⁸.

Источники формирования общецерковной казны были определены ещё на Поместном соборе, и основным из них считался доход от продажи свечей. В 1913 г. он принёс Синоду 16 млн руб. чистой прибыли (38.6% всех денежных поступлений, исключая доходы монастырей)²⁹. 2 декабря 1917 г. Собор постановил: «Установить с 1 января 1918 г. с выпускаемых из епархиальных, монастырских и других церковных свечных заводов церковных свеч особый сбор по пять руб. с пуда... Взимание сбора возложить на свечные заводы, а дело заведывания сим сбором сосредоточить в центральном комитете епархиальных свечных заводов». Одновременно данному комитету предписывалось выдать «на нужды Собора в 1918 г. до двух миллионов руб. и одного миллиона на содержание служащих Св. Синода»³⁰. Однако выполнить это в условиях начавшейся национализации церковных и монастырских имуществ, включая свечные заводы, оказалось невозможно, о чём комитет заявил уже в апреле 1918 г. Примечательно, что в Москве национализация церковной недвижимости началась 3 февраля 1918 г. именно с реквизиции епархиального свечного завода³¹. По сведениям «Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при Главнокомандующем вооружёнными силами на юге России А. Деникине», с 1918 г. «во многих епархиях захватываются свечные заводы, дающие главный источник существования епархии, и окончательно разграбляются»³². 23 апреля ВЦУ решило: «1) распространить установленный для текущего года 5-рублёвый попудный сбор на 1919 г.; 2) настоятельно предложить правлениям епархиальных заводов незамедлительно внести непосредственно в комитет как числящиеся в правлении долги комитету, так и 5-рублёвое попудное обложение свеч в 1917 г.»³³.

К 18 октября 1918 г. в счёт 5-рублёвого попудного свечного сбора на нужды ВЦУ поступило лишь 118 951 руб. 71 коп. К 19 октября, по данным счётного отдела ВЦС, имелось «сумм, состоящих в распоряжении Высшего церковного управления — 183 911 руб. 53 коп. и билетами 2 400»³⁴. Этих денег не хватало даже на важнейшие общецерковные нужды, и в тот же день ВЦУ распорядилось «ввиду недостатка средств и установления особого контроля со стороны правительства за всеми выходящими вновь изданиями печатание соборных деяний временно приостановить и посему образование особой комиссии при Высшем церковном управлении для дальнейшего дела печатания изданий признать излишним»³⁵. 25 октября ВЦУ констатировало, что установленный Собором свечной сбор почти не поступал из епархий, так как шёл на содержание

²⁸ См., например: РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 26, л. 14.

²⁹ Отчёт обер-прокурора Святейшего Синода за 1913 г. Пг., 1915. С. 107. В приходе церковных денежных сумм и капиталов Петроградской епархии за 1915 г., достигавшем 3 млн 135 тыс. руб., чистая свечная прибыль составляла 1 млн 186 тыс. руб., т.е. более трети (Обзор деятельности ведомства православного исповедания за 1915 год. Пг., 1917. С. 11, 12).

³⁰ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 21, л. 17 об.

³¹ Московские церковные ведомости. 1918. № 3. С. 4.

³² Их страданиями очистится Русь. М., 1996. С. 36.

³³ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 21, л. 18.

³⁴ Там же, л. 19.

³⁵ Там же, л. 19 об.

служащих в духовно-учебных заведениях и т.п. Причём в ВЦУ прекрасно со- знавали, что «инструкция Комиссариата юстиции от 30 августа по применению означенного декрета 23 января, одним из пунктов которой предусматривается отобрание в распоряжение советских учреждений и епархиальных свечных за- водов, делает ещё менее вероятным поступление указанного сбора в будущем». Признавая, что «общецерковной казны фактически нет»³⁶, ВЦУ реалистично заключало: «При современных же условиях нет оснований и вообще рассчиты- вать на её образование, по крайней мере в ближайшее будущее время»³⁷.

Действительно, в 1919 г. положение не улучшилось. 7 мая митрополит Нов- городский Арсений (Стадницкий) сообщил патриарху Тихону, что «совет на- родного хозяйства, взявший в своё заведывание Новгородский епархиальный свечной завод, отказывает в каких бы то ни было взносах со свечного завода на епархиальные и общецерковные нужды». Соответственно Новгородский епар- хиальный совет разрешил «причтам и старостам церквей покупать свечи и про- чее, что прежде приобреталось на свечном заводе, там, где они найдут это бо- лее удобным и выгодным для себя», а также предоставил «благочинническим округам или приходским советам самим устанавливать цену на продаваемые церковные свечи, чтобы иметь возможность внести на общецерковные нужды те деньги, которые теперь не поступают со свечного завода»³⁸.

Ещё 13 сентября 1918 г. Собор установил «в целях усиления средств обще- церковной казны особый церковный сбор под наименованием “церковная леп- та”, производимый повсеместно в период с 1-го октября по 21-е ноября вклю- чительно». 27 декабря Синод и ВЦС решили «не отлагать производство сбора до следующего очередного срока (с 1 октября до 21 ноября 1919 г. – *А.К.*), вви- ду необходимости пополнения общецерковной казны» и назначили «в 1919 г. для производства учреждённого Священным собором особого церковного сбо- ра под наименованием “церковная лепта” период времени с 15(28) февраля до 1(14) июня»³⁹. 9 апреля 1919 г. Народный комиссариат юстиции объявил, что разрешённые властью добровольные сборы-складчины верующих можно делать «лишь на нужды определённого храма, часовни, молитвенного дома». Сборы же в общецерковную казну или епархиальную кассу были признаны не- законными⁴⁰. Тем не менее духовенство и верующие фактически полулегально продолжали их проводить.

Важным источником пополнения общецерковной казны должен был явить- ся 5%-ный сбор с валового годового дохода монастырей, в начале XX в. до- стигавшего 20 млн руб. (из них государственные пособия составляли лишь 2–3%)⁴¹. Однако за годы Гражданской войны число монастырей уменьшилось более чем вполтину, и остававшиеся постоянно находились под угрозой за- крытия. К тому же прежде средства наиболее богатых обителей складывались преимущественно из сумм, поступавших в качестве арендной платы за земель-

³⁶ Там же, л. 30 об.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, д. 22, л. 177–177 об.

³⁹ Там же, д. 21, л. 134–134 об.

⁴⁰ Революция и церковь. 1919. № 6–8. С. 116.

⁴¹ *Зыбковец В.Ф.* Национализация монастырских имуществ в советской России (1917–1921 гг.). М., 1975. С. 40. Впрочем, исследователи неоднократно отмечали, что размеры доходов монастырей в первой четверти XX в. можно определить лишь приблизительно. См.: Там же; *Водарский Я.Е.* Землевладение русской православной церкви и её хозяйственно-экономическая деятельность (XI – начало XX в.) // Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 558–559.

ные участки, жилые дома и другие строения, от продажи свечей, а также в виде процентов (скопленные монастырями капиталы оценивались в 1913 г. в 65.6 млн руб.)⁴². После национализации этих имуществ положение монашествующих стало крайне тяжёлым. Так, 27 февраля 1919 г. Новгородский епархиальный совет докладывал ВЦУ о «невозможности для настоятелей и настоятельница» монастырей Тихвинского и Череповецкого уездов внести 5% с их валового дохода «на общецерковные нужды»⁴³. Управлявший Тверской епархией епископ Старицкий Серафим (Александров) 29 сентября 1919 г. сообщал патриарху: «У Кашинского Сретенского монастыря в 1918 г. изъяты земли, леса, все лучшие корпуса с кельями, весь лесной материал, заготовленный в большом количестве для нужд монастыря, пчеловодная пасека, весь сельскохозяйственный инвентарь, все запасы продовольствия и даже заготовленные на посев семена ржи, овса и льна. Кроме того, сёстрам обители предъявляется требование выселиться в 2-х недельный срок, а здания монастыря предназначены для нужд отдела социального обеспечения, вследствие чего монастырю грозит совершенное разорение... Что касается Шестаковского монастыря, то всё лучшее из монастырского хозяйства реквизировано и обитель в материальном отношении крайне стеснена. Не имея ни хлебных, ни денежных запасов, монастырь терпит острую нужду и не в состоянии не только внести 5% налог, но и прокормить сестёр обители, которым также предъявлено требование о выселении из монастыря»⁴⁴. 10 октября 1919 г. ВЦУ освободило оба эти монастыря от уплаты в общецерковную казну 5% сбора с их валового дохода за 1918 г.⁴⁵ Подобного рода постановления ВЦУ приходилось принимать и в отношении других монастырей.

Нехватка средств непосредственным образом сказывалась и на условиях жизни иерархов. Согласно утверждённому ВЦУ 21 мая 1918 г. «Положению об обеспечении епархиальных и викарных архиереев», их годовой оклад составлял 7 500 руб. (или 625 руб. в месяц), выплачивать который предполагалось именно из сумм 5%-ного сбора с доходов монастырей⁴⁶. А поскольку эти средства поступали в общецерковную казну нерегулярно и весьма скупо, содержание преосвященным нередко выплачивалось с задержками. Порою прибывшим в Москву архиереям было просто не на что вернуться в свои епархии. К примеру, в декабре 1918 г. владыка Евфимий (Лапин) просил ВЦУ «о выдаче ему какой-либо части содержания, следуемого за 1918 г. по должности епископа Якутского», так как, «будучи лишён возможности после окончания занятий Св[ященного] Собора выехать из Москвы в епархию и не получая ниоткуда и никакого содержания с 8 сентября текущего года», он испытывал «острую нужду в деньгах для уплаты революционного налога»⁴⁷. При этом годовой оклад, установленный в мае 1918 г. для епархиальных архиереев, за весь

⁴² См.: РГИА, ф. 815, оп. 14, д. 209, л. 48; *Дервиз В.Д.* К вопросу об экономическом положении бывшей Троице-Сергиевой лавры в 1917 г. Сергиев Посад, 1926. С. 6–8; *Зыбковец В.Ф.* Указ. соч. С. 28–35; *Водарский Я.Е.* Указ. соч. С. 560.

⁴³ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 23, л. 13.

⁴⁴ Там же, д. 24, л. 163–163 об.

⁴⁵ Там же, л. 163 об.

⁴⁶ Там же, д. 21, л. 163; д. 25, л. 4 об.

⁴⁷ Там же, д. 21, л. 164. По данным счётного отдела ВЦУ на 2 января 1919 г. имелось 5%-ного сбора с валового дохода монастырей на содержание епархиальных и викарных епископов «лишь до 14 000 руб.» (Там же, л. 164 об.).

период Гражданской войны ни разу не повышался, хотя в ВЦУ отмечали, что цены, особенно на продовольствие, «непрерывно и чрезмерно возрастают»⁴⁸.

В целом же быт архиереев в первые годы советской власти разительно отличался от обстановки их жизни в дореволюционной России. «У нас, — вспоминал протопресвитер Георгий Шавельский, — как ни в одной из других православных церквей, епископское служение и вся жизнь епископа были обставлены особенным величием, пышностью и торжественностью. В этом, несомненно, проглядывала серьёзная цель — возвысить престиж епископа и его служения. Несомненно также, что пышность и торжественность всей архиерейской обстановки неразумными ревнителями владычного сана, — с одной стороны, самими честолюбивыми и славолюбивыми владыками, — с другой, у нас — часто доводилась до абсурда, до полного извращения епископского служения. Они делали наших владык похожими на самых изнеженных и избалованных барынь, которые спать любят на мягком, есть нежное и сладкое, одеваться в шелковистое и пышное, ездить — непременно в каретах... Внешний блеск и величие часто скрывали от толпы духовное убожество носителя высшего священного сана, но компенсировать его не могли. Мишура всегда останется мишурой, как бы ни подделывали её под золото. И один наружный блеск внешней обстановки епископского служения не мог дать того, что требуется от настоящего епископа... В конце же концов, жестоко страдала из-за неё Церковь»⁴⁹. Всё это, полагал Шавельский, отрывало архиереев «и от своей паствы, и от своего клира», хотя «имел наш епископат, конечно, и достойных представителей»⁵⁰.

Атмосфера, окружавшая церковных иерархов, разумеется, не могла не влиять на круг их интересов и забот. Будущий митрополит, а тогда епископ Волынский Антоний (Храповицкий) ещё в начале XX в. рассказывал в узком кругу о том, как в 1899 г. оказался на юбилее митрополита Киевского Иоанникия (Руднева), поздравить которого съехалось свыше 20 архиереев. Отслужив молебен и собравшись на трапезу, они не высказали «ни одной живой мысли, ни одного горячего слова о положении Церкви, упадке веры», зато владыка Антоний, самый молодой из собравшихся, «был поражён, с какой опытностью и знанием дела велись рассуждения о курсе железнодорожных облигаций, о наиболее верном помещении капиталов»⁵¹. Естественно, в такой, внешне благоприятной, обстановке нелегко было сохранить нравственный авторитет среди клира и мирян.

Однако изменение положения епископата в годы революционных потрясений вызвало в широких кругах верующих стремление материально и морально поддержать гонимую Церковь и её священнослужителей. Согласно циркуляру Наркомюста, прихожанам не запрещалось «производить добровольные сборы-складчины... на содержание служителей культа»⁵². Более того, по словам Д.В. Поспеловского, «с введением карточной системы на снабжение питанием в годы военного коммунизма духовенство определяется как паразитный класс,

⁴⁸ Там же, д. 25, л. 1.

⁴⁹ Шавельский Г., протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. М., 1996. С. 168–169.

⁵⁰ Там же. С. 172, 173.

⁵¹ Цит. по: Зырянов П.Н. Церковь в период трёх революций // Русское православие: вехи истории. С. 381–382.

⁵² Известия. 1919. 5 февраля; РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 22, л. 64 об.

физическое существование которого становится теперь возможным благодаря жертвенности верующих»⁵³.

Одна из почитательниц патриарха Тихона вспоминала позднее о том, что видела и переживала в начале 1920-х гг. «в день храмового праздника у Словущего Воскресения, что в Барашевском переулке в Москве»: «Утро серое, неприглядное. Моросит дождь. Вот подходит с Покровки архиерей. Ряса его внизу забрызгана грязью, в руке он несёт круглую коробку со своей митрой. В толпе снимают шапки, его обступают, и все тянутся к нему за благословением. Но и это, к моему удивлению, происходит тихо и мирно. А владыка старается никого не обойти своим благословением, и лицо его также спокойно и радостно. Какая разница, — думается мне, — когда наши епископы разъезжали в нарядных каретах, их так не встречали. А если и собирались кучки зевак, то, главным образом, для того, чтобы налюбоваться на запряжённую цугом и разукрашенную золочёными гербами митрополичью карету и бриллиантами на его клобуке. А теперь... смиренно они ходят пешком во всякую погоду. Никаким внешним великолепием они не окружены, а с каким почётом и благоговением встречает их народ... Отошли от них все блага мирские и сами они стали не от мира сего»⁵⁴.

Особой проблемой, многократно обсуждавшейся на заседаниях ВЦУ, являлась судьба духовно-учебных заведений, оказавшихся в невыносимых условиях. Почти все они фактически были упразднены большевиками, передававшими их имущество в ведение Народного комиссариата просвещения. 28 марта соборным определением был установлен 10-рублёвый попудный свечной сбор для выдачи преподавателям и служащим духовно-учебных заведений «основного содержания» до 14 сентября, а 20 апреля 1918 г. Собор решил «принять расходы на содержание духовных академий... на средства общецерковной казны»⁵⁵. Но осенью стало ясно, что «после отобрания духовно-учебных заведений и других капиталов духовного ведомства и состоявшегося 23 января декрета советской власти об отделении Церкви от государства, с прекращением отпуска из казны кредитов на духовно-учебные нужды, Высшее церковное управление лишилось всех тех источников, на которые относилось прежде содержание духовно-учебных заведений, в том числе духовных академий»⁵⁶.

3 сентября 1918 г. постановлением патриарха, Синода и ВЦС были утверждены сметы Петроградской, Московской и Казанской духовных академий на вторую половину года⁵⁷. Однако полностью обеспечить запланированное их финансирование ВЦУ не смогло. 25 октября 1918 г. Синод и ВЦС «имели суждение по вопросу об источниках содержания Московской, Казанской и Петро-

⁵³ Поспеловский Д. Указ. соч. С. 69.

⁵⁴ Цит. по: Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 317.

⁵⁵ Священный Собор Православной Российской Церкви: Собрание определений и постановлений. Приложение к «Деяниям». М., 1918. С. 52.

⁵⁶ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 21, л. 30 об.

⁵⁷ Там же, л. 133. Положение Киевской академии в период Гражданской войны было весьма неопределённым из-за частой смены властей в городе. См., в частности, донесения её ректора епископа Василия (Богдановского) в ВЦУ (Там же, д. 23, л. 40) и его письма профессору Н.Н. Глубоковскому («Род учёных» не погибнет на свете) (переписка из двух столиц профессора Н.Н. Глубоковского и епископа Василия (Богдановского) 1917–1921 гг.) / Публ. Т.А. Богдановой и А.К. Клементьева // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. Вып. 3(11). С. 100–199).

градской духовных академий во вторую половину 1918/1919 учебного года» и решили «с полной определённой сообщить советам академий, что, если не изменятся внешние условия жизни Церкви и не возвращены будут ей отобранные капиталы или не поступит каких-либо средств специально на содержание академий, то Высшее церковное управление с начала будущего гражданского года, т.е. с 1(14) января 1919 г. лишено будет возможности ассигновать необходимые на содержание академий и личного состава служащих суммы»⁵⁸.

Для преодоления финансово-хозяйственных трудностей нередко приходилось использовать нетрадиционные подходы. 23 мая 1919 г. ВЦУ разрешило Казанскому епархиальному совету «имеющиеся у него суммы, подлежащие перечислению в общецерковную казну, передавать правлению Казанской духовной академии в счёт тех ассигнований, какие сделаны правлению академии Высшим церковным управлением»⁵⁹. Год спустя, рассмотрев прошение правления Казанской духовной академии о выдаче пособия в 30 тыс руб. за первую половину 1920 г., ВЦУ 3 мая вновь предложило «получить назначенную академии сумму из денег Казанского епархиального совета, подлежащих высылке в Москву на нужды Высшего церковного управления»⁶⁰. Аналогичные решения ВЦУ принимало и в других похожих случаях.

Своеобразное положение складывалось в Московской духовной академии. Ещё 14 ноября 1918 г. её правление докладывало в ВЦС о «полном отсутствии в распоряжении академического правления свободной наличности для авансовых выдач»⁶¹. 21 января 1919 г. Синод и ВЦС, выслушав сообщение ректора «об открытии учебных заведений в марте сего года», постановили: «Ввиду полной невозможности... с пользой для дела вести учёные и учебные занятия, ввиду незначительного количества самих студентов и крайней дороговизны их содержания и признавая полезным и необходимым, особенно в настоящее время, привлечь академические силы к защите учения Св. Церкви от нападения на неё со стороны различных лжеучителей и людей неверующих... 1) учебные занятия со студентами Московской духовной академии в марте сего года не открывать, 2) привлечь профессоров духовной академии к чтению публичных лекций на религиозные темы в Москве и к составлению популярных брошюр в опровержение содержащихся в множестве противорелигиозных книг и брошюр, появляющихся в настоящее время»⁶². Профессор священник П.А. Флоренский 13 марта 1919 г. писал Н.Н. Глубоковскому: «Академии нашей, можно сказать, нет, и это очень грустно»⁶³. «Последний 1918/1919 учебный год был скоротечен закончен на пятой неделе Великого поста, – вспоминал С. Волков. – Экзаменов не было... Студенты разъехались почти сразу. Разогнал начавшийся голод. Академия была не в силах содержать столовую»⁶⁴.

9 мая 1919 г., рассмотрев предложение исправляющего должность ректора профессора С.С. Глаголева о возобновлении занятий 29 августа, ВЦУ уведомило совет академии, что «не может принять на себя обязательство по обеспечению её содержанием с будущего года», и предложило учредить при акаде-

⁵⁸ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 21, л. 31.

⁵⁹ Там же, д. 23, л. 39 об.

⁶⁰ Там же, д. 26, л. 70.

⁶¹ Там же, д. 21, л. 106–106 об.

⁶² Там же, д. 22, л. 13 об.

⁶³ ОР РНБ, ф. 194, оп. 1, д. 891, л. 1.

⁶⁴ Волков С. Последние у Троицы: Воспоминания о Московской духовной академии (1917–1920). М.; СПб., 1995. С. 195, 204.

мии особую ликвидационную комиссию⁶⁵. Состоявшееся 11 июня заседание Совета решительно этому воспротивилось. Считая, что «полное прекращение жизнедеятельности академии в настоящее тяжёлое для Церкви время крайне нежелательно», его участники изъявили «свою полную готовность впредь, до улучшения хозяйственно-финансовой жизни Высшего церковного управления исполнять свои учебные обязанности, не претендуя на получение установленного жалованья от Высшей церковной власти». Вместо «ликвидационной» они предлагали учредить при академии «административно-хозяйственную» комиссию или правление, «поручив ему исполнение текущих академических дел и охрану академического имущества». В итоге Совет просил «назначить пособие к содержанию лишь первых членов означенной комиссии – ректора академии протоиерея А. Орлова, помощника проректора игумена Иоасафа и исполняющего обязанности эконома священника К. Любомудрова, а также на канцелярские и другие расходы – 30 000 руб. из общецерковной казны на одно полугодие»⁶⁶. Особое разрешение испрашивалось на то, чтобы «в наступающем году возобновить чтение академических лекций по предметной (а не курсовой системе) с 15 сентября ст[арого] стиля в Сергиевом Посаде или Москве, причём предоставить право слушания этих лекций и тем студентам других академий, которые по каким-либо причинам не имели возможности продолжить своё образование в своих академиях». Кроме того, предполагалось «наряду с чтением нормальных академических курсов организовать чтение публичных популярных лекций научно-богословского характера в Москве»⁶⁷. 20 июня 1919 г. ВЦУ согласилось предоставить академической корпорации право самостоятельно решать все хозяйственные и учебные вопросы.

А 27 июня Синод и ВЦС признали «возможным применить к Казанской духовной академии... постановление от 7(20) июня 1919 г. относительно Московской духовной академии», предупредив Совет, что «в пособие на её содержание может быть назначено не более 30 000 руб. на полугодие»⁶⁸. К тому времени она была настолько разорена, что в ней, как писал 14 мая Н.Н. Глубоковскому К.В. Харлампович, оставалась цела лишь библиотека, которая «охраняется грамотой от Центрального управления по делам архивов при помощи здешнего уполномоченного проф. [И.А.] Стратонова»⁶⁹. 8 августа совету разрешили возобновить в Казани занятия «применительно к тому порядку, какой указан в постановлении ВЦУ от 7(20) июня сего года для Московской духовной академии по предметной, а не курсовой системе, и назначить на содержание академии 30 000 руб. на одно полугодие»⁷⁰. В октябре 1919 г. ректор академии епископ Чистопольский Анатолий (Грисюк) сообщил в ВЦУ, что «16(29) сентября в комнатах бывшей академической библиотеки начались чтением лекций правильные учебные занятия»⁷¹. Почти одновременно с возобновлением занятий совет академии с санкции ВЦУ «возбудил соответствующее ходатайство перед гражданской властью о зарегистрировании академии под именем Богословского института или Высшей богословской школы»⁷².

⁶⁵ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 22, л. 179.

⁶⁶ Там же, д. 23, л. 112.

⁶⁷ Там же, л. 112–112 об.

⁶⁸ Там же, л. 127.

⁶⁹ ОР РНБ, ф. 194, оп. 1, д. 715, л. 39–39 об.

⁷⁰ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 24, л. 76.

⁷¹ Там же, д. 25, л. 18 об.

⁷² Там же, л. 52.

В январе 1920 г. Синод и ВЦС назначили советам Московской и Казанской академий на первую половину года по 30 тыс. руб. из общецерковных сумм⁷³. Однако это не могло уже остановить процесс распада духовных школ. К исходу Гражданской войны все четыре духовных академии фактически прекратили своё существование.

Таким образом, советской власти удалось подорвать финансовое положение Православной Российской Церкви и существенно затруднить деятельность её институтов. Однако ожидаемых большевиками последствий – угасания церковной жизни и дискредитации священноначалия – это не вызвало.

⁷³ Там же, д. 26, л. 23.

Подворье Константинопольской патриархии в Москве и межцерковные отношения в 1917–1938 гг.

Священник Александр Мазырин

The metochion of the Constantinople Patriarchate in Moscow and inter-church relations in 1917–1938

priest Alexander Mazyrin (Saint-Tikhon Orthodox University, Moscow, Russia)

События рубежа 1910–1920-х гг. коренным образом изменили условия существования православных поместных церквей в России и Турции. Русская церковь, прежде активно поддерживавшаяся государством, после установления большевистской диктатуры систематически преследовалась и переживала сильные внутренние нестроения, поощрявшиеся новой властью. А Константинопольский патриархат в результате войн, геноцида, депортаций и изменения государственных границ лишился основной массы своей греческой паствы, проживавшей ранее на территории Османской империи, что ставило вопрос о его дальнейшем пребывании в своих исконных пределах.

В такой ситуации Фанар¹, с одной стороны, повёл борьбу за самосохранение на берегах Босфора, а с другой – развернул беспрецедентную экспансию, направленную на трансформацию номинального первенства чести Вселенской патриархии в реальное главенство в православном мире. При этом на практике усиление позиций Константинополя достигалось в основном за счёт ослабления Русской церкви. Важная роль в реализации данной политики, обусловленной не столько межцерковной солидарностью, сколько собственными интересами, отводилась московскому подворью Вселенской патриархии, организованному ещё в 1881 г. Здание, в котором оно располагалось (Крапивенский переулок, д. 4), использовалось и в представительских целях, и как доходный дом. Подворью был передан храм преподобного Сергия, по имени которого оно именовалось «Сергиевским». В течение 30 лет, с 1894 г., его настоятелем являлся архимандрит Иаков Димопуло (Δημοπούλος). При большевиках

© 2016 г. А.В. Мазырин

¹ Район Стамбула, в котором размещается патриархия.